

Гон. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> приятного чтения!

Гон. Михаил Михайлович Пришвин

Пришел ко мне Федор из Раменья, промысловый охотник. Раменье недалеко от Москвы, всего несколько часов, и все-таки сохранились тут настоящие промышленники, всю зиму только и занимающиеся охотой на лисиц, зайцев, белок и куниц. Занятые люди, и среди них этот Федор, по мастерству своему – башмачник, ему охота, конечно, невыгодна, да вот поди рассуди людей.

Федор прослышал, будто у нас лисиц много развелось, пришел ко мне проведать, привел своих собак, известных в нашем краю, один Соловей, другой называется вроде как бы по-французски – Рестон.

Соловей – великан смешанной породы костромича, борзой, дворняжки – все спуталось, и получилась безобманная промысловая собака лисиц с ним хочешь стреляй, а хочешь – так бери, если только не успеет занориться, непременно загоняет и не изорвет, а сядет против нее и бумкнет, охотник приходит и добивает.

От Соловья выходят щенки, с виду совершенно дворные, но в работе прекрасные, ходят и по зайцам, и по лисицам, и по куницам, забираются в барсучьи ходы и там, под землей глубоко, гонят, как на земле, еле слышно, и кто этого не знает, очень удивительно и почему-то даже смешно.

Федоровская порода известная.

Последний сын Соловья, кобель по второму полю, особенно умен, но вид бери и на цепь сажай двор караулить.

Московские охотники только головами качают:

– Это не собака!

Да так и зовут.

Шарик.

Я сам зову этого лохматого, рыжего, совершенно дворного кобеля Шариком, но не потому, что презираю, как москвичи, федоровскую породу, а просто язык не повертывается назвать такого обыкновенного кобеля Аристомом.

Какие-нибудь тертые егеря барских времен, наверно, сбили Федора на древнегреческое имя, но мужицкий язык оживил мертвое слово. Рестон, и дальше рациональное объяснение: Рестон значит резкий тон, с упрощением – рез-тон.

Ну, вот, под седьмое число октября месяца приходит ко мне Федор, с ним Соловей и этот рыжий Шарик. Наши деревенские охотники все, у кого есть хоть какое-нибудь ружьишко, с вечера объявились и назвались вместе идти. А неохотники всю затею всерьез приняли и просили:

– Волка убейте!

Всем этим охотникам родоначальник сосед мой слесарь Томилин, человек лет за сорок, семья – девять человек, не прокормишь же всех лужением самоваров да починкой ведер, вот он и занялся еще и ружьями, собирает из всякого лома и особенно хвалится своими пружинами.

Изредка я очень люблю эти деревенские охоты, но держусь всегда в стороне, потому что каждую охоту непременно у кого-нибудь разрывает ружье. Да немудрено, простым глазом издали видишь, как сверкают там и тут на стволах заплаты на медном припое. У одного даже и курок на веревочке: взлетает вверх после выстрела и потом висит. Но это им нипочем, и что ружья в цель не попадают – тоже ничего, только бы ахали.

В особенности страшны мне шомполки, заряженные с прошлого года, в начале охоты их обыкновенно всем миром разряжают в воздух, и потом, когда хозяин продувает

дым и он, синий, выходит не только в капсюль, а фонтаном во все стороны, все хохочут и говорят:

– Решето! Отдай бабе муку отсеивать.

И так сами над собой все потешаются. У нас предмет охоты иногда листопадник-белячок, величиной с крысу, ни к чему не обязывает, а радости охотничьей и хлопот все равно, как и за мамонтом. И так славно бывает, когда на выходе тот охотник со взлетающим курком погрозится в лес тому невиданному мамонту и скажет:

– Вот, погляди, я тебе галифе отобью!

Конечно, если бы настоящий мамонт, непременно бы кто-нибудь сказал:

– Не хвались, как бы тебе галифе не отбил.

Но тут просто:

– Ты лучше гляди, не улетел бы курок.

И какое волнение! Мастер Томилин перед охотой встает часа в два ночи, проверяет погоду. Я это слышу, встаю и ставлю себе самовар.

Три часа ночи.

Мы с Федором чай пьем. Видно напротив, что и Томилин с сыном чай пьют. Разговор у нас о зайце, что хуже нет разыскивать в листопад – очень крепко лежит.

Четыре часа.

Чай продолжается. Разговор о лисице, какая она хитрая. Сотни примеров.

В пять часов решаем вопрос, как лучше всего выгнать дупляную куницу. Решаем: лучше всего лыжей дерево почесать, она подумает – человек лезет, и выскочит.

В окне начинается белая муть рассвета. Охотники все собрались под окном и на лавочке тихо беседуют.

Подымаемся. Среди нас нет ни одного из тех досадных людей, кто вперед перед всяким делом общественным думает про себя, что ничего не выйдет, плетется хило и слегка оживает, когда против ожидания вышло удачно.

И даже эта тяжелая муть рассвета не смущает нас, напротив, едва ли кто-нибудь из нас променял бы это на весенний соловьиный дачный восход.

Только поздней осенью бывает так хорошо, когда после ночного дождя с трудом начинает редеть ночная мгла, и радостно обозначится солнце, и падают везде капли с деревьев, будто каждое дерево умывается.

Тогда шорох в лесу бывает постоянный, и все кажется, будто кто-то сзади подкрадывается. Но будь спокоен, это не враг, и не друг идет, а лесной житель сам по себе проходит на зимнюю спячку.

Змея прошла очень тихо и вяло, видно, ползучий гад убирается под землю. Ей нет никакого дела до меня, чуть движется, шурша осенней листвой.

До чего хорошо пахнет!

Кто-то сказал в стороне два слова. Я подумал, это мне кажется так, слух мой сам дополнил к шелесту умирающей природы два бодрых человеческих слова. Или, может быть, чокнула неугомонная белка? Но скоро опять повторилось, и я оглянулся на охотников.

Они все замерли в ожидании, что вот-вот выскочит заяц из частого ельника.

Где же это и кто сказал?

Или, может быть, это идут женщины за поздними рыжиками и, настороженные лесным шорохом, изредка очень осторожно одна с другой переговариваются.

– Равняй, равняй! – услышал я над собой высоко.

Я понял, что это не люди идут в лесу, а дикие гуси высоко вверху подбодряют друг друга.

Великий показался, наконец, в прогалочке между золотыми березами, гусиный караван, сосчитать бы, но не успеешь. Палочкой я отмерил вверху пятнадцать штук и, переложив ее по всему треугольнику, высчитал всего гусей в караване больше двухсот.

На жировке в частом ельнике изредка раздавалось «бам!» Соловья. Ему там очень трудно разобраться в следах: ночной дождик проник и в густель и сильно подпортил жировку.

Этот густейший молоденький ельник наши охотники называли чемоданом, и все уверены, что заяц теперь в чемодане.

Охотники говорят:

– Листа боится, капли, его теперь не спихнешь.

– Как гвоздем пришило!

– Не так в листе дело и в капли, главное, лежит крепко, потому что начинает белеть, я сам видел: галифе белые, а сам серый.

– Ну, ежели галифе побелели, тогда не спихнешь, его в чемодане, как гвоздями, пришило.

Смолой, как сметаной, облило весь ствол единственной высокой ели над густелью, и весь этот еловый чемодан был засыпан опавшими березовыми листочками, и все новые и новые падали с тихим шепотом.

Зевнув, один охотник сказал, глядя на засыпанный ельник:

– Комод и комод!

Зевнул и сам мастер Томилин.

С тем ли шли: зевать на охоте!

Мастер Томилин сказал:

– Не помочь ли нам Соловью?

Смерили глазами чемодан, как бы взвешивая свои силы, пролезешь через него или застрянешь.

И вдруг все вскочили, решив помогать Соловью.

И ринулись с криком на чемодан, сверкая на проглянувшем солнышке заплатами чиненых стволов.

Всем командир мастер Томилин врезался в самую середку, и чем его сильней там кололо, тем сильней он орал.

Все орали, шипели, взвизгивали, влаивали: нигде таких голосов не услышишь больше у человека, и, верно, это осталось от тех времен, когда охотились на мамонта.

Выстрел.

И отчаянный крик:

– Пошел!

Первая, самая трудная часть охоты кончилась, все равно, как если бы фитиль подложили под бочку с порохом, целый час он горел и вдруг, наконец, порох взорвался.

– Пошел!

И каждому надо было в радости и в азарте крикнуть:

– Пошел, пошел!

Уверенный и частый раздался гон Соловья, и после него, подвалив, Шарик ударил, Рестон, действительно, очень резко рез-тон.

Вмиг вся молодежь, как гончие, не разбирая ничего, врассыпную бросается куда-то перехватывать, и с нею мастер Томилин, как молодой – откуда что взялось, – летит, как лось, ломая кусты.

Таким никогда не подстоять зайца, но, может быть, им это и не надо, их счастье – быстро бежать по лесу и гнать, как гончая.

Мы с Федором, старые воробы, переглянулись, улыбнулись, прислушались к гону и, поняв, куда завертывает заяц, стали: он тут на лесной полянке перед самым входом в чемодан, я немного подальше на развилочке трех зеленых дорог между старым высоким лесом и частым мелятником.

И едва только затих большой, как от лося, треск кустов, ломаемых на бегу сорокалетним охотником, далеко впереди на зеленой дорожке, между большим лесом и частым мелятником, мелькнуло сначала белое галифе, а потом и весь серый обозначился: ковыль-ковыл, прямо на меня. Я смотрел на него с поднятым ружьем через мушку: мамонт был самый маленький белячок из позднышков-листопадников, на одном конце его туловища, совсем еще короткого, были огромные уши, на другом – длинные ноги, такие, что весь он на ходу своим передом то высоко поднимался, то глубоко падал.

На мне была большая ответственность – не допустить листопадника до чемодана и не завязать там опять надолго собак: я должен был убить непременно этого мамонта. И я взял на мушку.

Он сел.

В сидячего я не стреляю, но все равно ему конец неминуемый, побежит на меня – мушка сама станет вниз на передние лапки, прыгнет в сторону – мушка мгновенно перекинется к носику.

Ничто не может спасти бедного мамонта.

И вдруг.

Ближе него из некоей мелятника показывается рыжая голова и как бы седая от сильной росы.

– Шарик?

Я чуть было не убил его, приняв за лисицу, но ведь это же не Шарик, это лисица.

И все это было в одно мгновение, седая от росы голова не успела ни продвинуться, ни спрятаться. Я выстрелил, в некоей заворошилось рыжее, вдали мелькнуло белое галифе.

И тут налетели собаки.

Налетел Федор. С ружьем наперевес, как в атаке, выскочил из лесу на дорожку мастер Томилин и потом все, сверкая заплатами ружей. Сдержанные сворками собаки рвались на лисицу, орали не своим голосом. Орали все охотники, стараясь крикнуть один громче другого, что и он видел промелькнувшую в густели лисицу. Когда собаки успокоились и молодежь умолкла, осталась радость у всех одинаковая, как будто все были один человек.

Гон. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Федор сказал:

– Шумовая.

Мастер Томилин по-своему тоже:

– Чумовая лисица.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!